

таблицы (начиная с табл. 30). В сводных таблицах приведены средние частоты форманты, ее максимальные и минимальные величины, отсутствует же количество случаев (несмотря на то, что во введении упоминается число спектров — 3500, у читателя создается впечатление, что во многих случаях звук представлен только одним примером). Вызывает недоумение вычисление средних значений, например, в табл. 50: $\text{min-max} = 400-450$, однако среднее — 450; в табл. 52: $\text{min-max} = 2750-3000$, среднее — 2730 или $\text{min-max} = 2500-2800$, среднее — 2410 (т. е. вообще остается за пределами выборки!). Слишком много места отведено коартикуляционным явлениям. Поскольку терминальная величина перехода F_2 (locus) гласного зависит от места артикуляции соседнего согласного, а объем перехода — от качества самого гласного, то следовало бы при анализе материал соответственно четко сгруппировать. Сейчас суммирующие таблицы для переходных сегментов (табл. 32 и др.) имеют мало смысла.

Особенно ценны данные F_1 , F_2 и F_3 . Они позволяют сопоставлять гласные верхнеказымского говора с гласными других языков. В некоторых выводах автора все же можно усомниться. Если поместить данные формант между осями F_1-F_2 так, чтобы возник известный четырехугольник гласных, то выяснится, что Карьялайнен был прав, когда считал гласный \bar{a} более задним, чем $\bar{\epsilon}$ (т. е. $\bar{\epsilon}$), тем самым в основном переднерядным, или же на базе имеющихся спектральных

данных можно назвать его и передне-центральный гласным (Г. Г. Куркина по неизвестной причине называет его центральнозадним). Таким же образом представленные данные подтверждают точку зрения авторов (см. с. 154), утверждающих, что \bar{v} по качеству — закрытый o , т. е. повышенный o . В связи с гласными \bar{i} , \bar{e} , \bar{v} , $\bar{\bar{v}}$: бессмысленно употреблять термин «переднецентральные гласные» (с. 158), поскольку \bar{i} , \bar{e} — передние гласные (как автор и сама несколько раньше отметил) и \bar{v} , $\bar{\bar{v}}$ — в основном центральнорядные гласные (единственный действительно переднецентральный гласный — это \bar{a} , как указано выше). На базе приведенных данных \bar{v} можно назвать и более передним \bar{v} (т. е. u , ср. с. 81), тем самым допустимо использовать термин центральнозадний гласный. Но не имеет смысла применять его к гласным \bar{v} , $\bar{\delta}$: (с. 158), потому что они — задние гласные. Автором не до конца понята система признаков Jakobson, Fant, Halle, например, на с. 136 \bar{e} : неверно назван компактным звуком и т. п.

В итоге следует еще раз подчеркнуть, что наибольшее значение в работе имеют таблицы длительностей звуков и частот трех первых формант, которые представляют интерес для исследователей систем гласных и количеств.

АРВО ЭЭК (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1982.4.15>

Л. А. Верте, Консонантизм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1982.

26 апреля 1982 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Л. А. Верте «Консонантизм хантыйского языка (экспериментальное исследование)» (научный руководитель — доктор филологических наук, профессор К. А. Тимофеев, научный консультант — заслуженный деятель науки Тувинской

АССР В. М. Надеяев). Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Аристэ, доктор филологических наук профессор Л. В. Бондарко, доктор филологических наук Л. А. Вербицкая.

Работа Л. А. Верте состоит из введения, пяти глав, заключения и приложения.

Во введение приводится обзор трудов по консонантизму хантыйского языка: по-

казано, что мнения предшествующих исследователей расходятся относительно количества согласных. Уже этот факт оправдывает выбор темы.

Первая глава «Дистрибутивные характеристики согласных фонем в языке казымских ханты» — это самая интересная часть исследования, она охватывает наиболее существенное содержание всей работы, остальные главы лишь уточняют тот или иной артикуляторный момент. Автор устанавливает в верхнеказымском говоре 17 согласных фонем: губные (*m, p, w*), переднеязычные (*t, n, s, š, r*, невелиризованные *l, l'*), среднеязычные (*š, ŋ, j, l'*), заднеязычные (*k, ŋ, ʒ*); *l* и *l'* — соответственно глухой непалатализованный и глухой палатализованный латеральные согласные. Между гласными и в соседстве с сонорными согласными зарегистрированы также *z* и *ʒ*, первый из которых свободно варьирует с *s*, а второй — с *š*. Они — позиционные свободные варианты */s/* и */š/*. Бросается в глаза, что не все переднеязычные имеют палатализованные эквиваленты; наряду с *n — ŋ*, *s — š*, *l — l'* в перечне фонем отсутствуют *t', š* и *l*. Но на рис. 55 и 56, 57, 58, помещенных в приложении, можно обнаружить и оппозицию *t — t'*, на рис. 65 и 66 (там же) — *š — š'*, а на рис. 86, 88 и 87 (там же) — *l — l*. Очевидно, автор имеет основания считать их позиционными вариантами, обусловленными соседством переднерядных гласных. В связи с *t'* Л. А. Верте пишет (с. 44): «Согласный *t'*, сочетаясь в инлауте с центральнозаднерядным *ó*; чередуется со звуком *t*, который комбинирует с центральнорядным *ö*: (без ущерба для понимания), как правило, в словах, заимствованных из русского языка, и в речи детей: *t'ók ~ tók . . .*. *t* может палатализоваться и рядом с палатализованным согласным, напр., на с. 41: *ke:rt'la:ti ~ ke:rtlã:ti, rvt'sá: ~ rvtšã:* и т. д. Отметим, что сочетание *tš* не рассматривается как аффриката *č*, поскольку компоненты сочетания не соединяются между собой так тесно, как это обычно бывает при аффрикате (с. 45). Между гласными (за исключением *e*) и в соседстве с сонорными согласными */ʒ/* может

свободно варьировать со звонким спирантом */ɣ/*: $\begin{matrix} \text{pò} & \text{ar, l'v} & \text{á:} \\ \gamma & \gamma & \gamma \end{matrix}$, $\begin{matrix} \text{pó} & \text{ne:mãti, p'v} \\ \gamma & \gamma \end{matrix}$, *ŋən* и др. (с. 48). Наряду с этими фонемами в русских заимствованиях используются следующие звуки: *b, d, g, f, z, ž, c, č, l*. Знаменательно, что в верхнеказымском говоре отсутствует губнозубной *v*, наличествует же билабильный глайд *w*, который у младшего поколения носителей диалекта как бы переходит в *v*. В разделе выводов (с. 210) утверждается: «В казымском диалекте хантыйского языка нет корреляции согласных по звонкости/глухости». В общих чертах это верно: действительно отсутствует такая фонологическая оппозиция звонкости/глухости, как в русском или немецком языке. В работе убедительно доказано, что звонкие соответствия глухих *k, p, t, s, š, ʒ* представляют собой свободные позиционные варианты. Однако здесь автор не упоминает достаточно редкую оппозицию звонкости/глухости латеральных (*l — l, l'*). Правда, */l/* в некоторых случаях может произноситься и как вполне звонкая (с. 124—125); там же отмечается, что как вариант вместо */l/* может выступать */tl/*; возможны и полностью звонкие случаи */l'/* (с. 141 : 22,3% всех случаев). Озвончение глухих латеральных якобы не зависит от контекста, как это можно заключить из приведенных в приложении осциллограмм: */l/ → l* и */l'/ → l'* как между гласными, так и в соседстве с глухим согласным (см. рис. 3, 4, 9, 17, 28 и др.).

В результате фоностатистического анализа текстового материала (110160 фонемных единиц) получена частотность согласных верхнеказымского диалекта (табл. 19, в порядке убывания): *t, l, n, m, w, s, ʒ, j, p, r, ŋ, k, š, š', ŋ, l, l'*. В начале слова наиболее часто встречаются *w, ʒ, m, j, p, l, t, k, n, s*; *ŋ* в начале слова не встречается; в конце слова наиболее часто выступают *t, n, l, s, m, ŋ, w, r, j*, см. табл. 22 и 23. Обстоятельно изучена встречаемость сочетаний согласных в середине и конце слова. Сочетания согласных в начале слова в хантыйском языке отсутствуют. Более обычные сочетания двух согласных, реже встречаются сочетания трех согласных. В соответствии

с фонологической концепцией автора, в хантыйском языке нет долгих согласных, наличествуют лишь сочетания двух одинаковых согласных. Из таблиц и перечней слов-примеров выявляются следующие геминаты: *pp, mm, tt, nn, ss, ll, kk, xx, ηη* (отсутствуют или по крайней мере материал не зафиксировал *ll, ll', šš, šš', ŋŋ, rr*); даже *nn* в конце слова Л. А. Верте считает не долгим согласным, а геминатой. Сочетанием трех согласных именуется и геминатные формы, напр., *nit, mit, rit, ltt, jtt, wtt, nkk, wkk, jll* и т. д.

В главах II—V приводится детальное артикуляционное описание согласных, которое базируется на 17056 осциллограммах 957 словоформ (3 диктора), на 418 дентопалатограммах 78 одно- и двуслоговых слов (2 диктора) и 25 фотографиях губных артикуляций.

Артикуляционное описание звуковых типов корректно. Однако не убеждает предпочтение автором деления на шумные — малозумные известному делению несонорный — сонорный, хотя она и пытается всячески обосновать предлагаемые термины. Непонятно, каким образом *k, p, t* — шумные по акустическому эффекту (с. 109), особенно если они — слабые смычные согласные (с. 207), т. е. отсутствует аспирация, которая могла бы причинять шум.

Не убедительно сверхдетальное сегментирование звуков на составные части. Автор не обосновывает и не показывает, как эти сегменты получены. Во всяком случае осциллограммы, приведенные в приложении (обычно ведь прилагается наилучший иллюстративный материал), не обеспечивают указанную автором точность для работы такого рода. Ни на одной осциллограмме хотя бы для примера не сегментированы слова на звуки, не говоря уже о сегментировании звука на части. Поэтому читатель не может получить представления о принципах сегментирования, отсутствуют и возможности для проверки. Кроме того, заинтересованные в работе исследователи не могут использовать осциллограммы как самостоятельный материал, поскольку на большинстве осциллограмм сокращены начало или конец слова; в большинстве случаев кривая микрофона (ротовая кривая) имеет столь

низкую интенсивность, что использовать ее для особо качественного сегментирования без риска невозможно. Таким образом, ценность материала работы, посвященного длительностям внутризвуковых сегментов разного качества, и приведенных в приложении табл. 1—139 представляется сомнительной.

Не удовлетворяет и трактовка длительности звуков. Л. А. Верте утверждает (с. 108—109): «Длительность согласных фонем в языке казымских ханты не несет смысловозначительной функции. Значительный разброс ОД в позиционно-комбинаторных оттенках этих фонем объясняется влиянием пост- и превокала, соседних гласных, типа слогов и т. д. Принимая во внимание большую вариативность их длительностей, эти согласные определяются как долготнонеопределенные». Это же положение повторяется отдельно в отношении каждого согласного. Вариативность в речи — обычное явление. В наше время уже многое известно о причинах и объеме ее. Беда же в том, что исследователь сам может увеличить вариативность путем объединения в одну группу негомогенных структур слогов и слов. Хотя автор и отличается (по крайней мере в транскрипции, но см. также с. 90—91) геминаты от единичных согласных, но при анализе длительности, как видим, это различие стирается (т. е. длительности *t — tt, n — nn* и т. д. отдельно не сопоставляются). Таким образом автор и приходит к выводу, что длительность согласных афонологична. Чем же различаются интервокальные согласные в словах *piti* 'черный' и *pitti* 'стать', *má:ne:m* 'мне' и *pá:nne:* 'налим' и т. д.? То обстоятельство, что это различие — не только транскрипционный прием, выясняется из табл. 140—150 (приложение), где длительности звуков приводятся по отдельным словам (представлены только те слова, где */n/* выступает в начале, середине или конце слова). Например, в табл. 141: *á:ne:m* (*n* = 73 мс) — *pá:nne:* (*nn* = 159—178 мс); в табл. 142: *ántəp* (*t* = 90 мс) — табл. 143: *jəntti* (*tt* = 163—217 мс) и т. д. Уже на основе этих немногих примеров можно предположить, что длительность в хантыйском языке представляет собой фонологическое явление. Окончательное решение вопроса требует дальнейшего исследования.

Наряду с первой главой именно табл. 140—150 относятся к наиболее ценной части работы, исследователи смогут успешно пользоваться ими как источником. Замечены лишь некоторые неточности: иногда число звуков исследуемого слова не совпадает с числом измеренных единиц (табл. 145, 147, 150). Л. А. Верте, очевидно, автоматически переняла способ Г. Г. Куркиной обозначения длительности гласных, не проверив положение с помощью своего материала. Именно таблицы Л. А. Верте подтверждают сомнения рецензента в правильности обозначения длительности гласных, высказанные в рецензии на работу Г. Г. Куркиной. На базе этих таблиц можно сделать следующие предположения (их подтверждение или опровержение требует большего количе-

ства материала с его предварительным фонологическим анализом): 1) в односложном слове с гласным или сонорным согласным на конце гласный независимо от качества — долгий, см. табл. 140 и 146 (с. 350, 378), где *i* в слове *nin* такой же долгий, как согласно концепции автора *e*: в словах *ne:m* или *ke:n* (т. е. *nīn*, *nēm*, *kēn* и т. д.); 2) в двусложных словах *i*, *á*, *ö*, *ó* тоже могут выступать долгими, а *e*, *á*, *ä*, *ó*: — краткими; 3) в непервых слогах транскрибированные как долгие гласные обычно являются краткими (*ne:pe:k* → *nēpek*, *ne:te:n* → *nēten*, с. 351 и дальше) или полудолгими (как правило, во втором слоге трехсложных слов: *jvka:na*: → *jvkanā*, с. 357 и дальше).

АРВО ЭЭК (Таллин)